

Я. В. Лахина, А. Е. Козлов

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия*

Короленко в роли читателя Диккенса

Объектом исследования является категория читателя, моделируемая в тексте В. Г. Короленко «Мое первое знакомство с Диккенсом». Небольшой текст, включенный в состав приложений к «Истории моего современника», актуализирует траекторию прочтения, направленную на разграничение режимов повествования и восприятия. Изображая мир житомирской провинции, писатель показывает чтение как специфическую потребность, входящую в круг повседневных дел ее обитателей. На этом фоне история маленького героя – от «пестрого» и «пряного» чтения авантюрных и приключенческих романов к осмысленному чтению книги Диккенса – демонстрирует специфические изменения в его психологии и поведении (от Оливера Твиста к Дэвиду Копперфильду). Обращаясь к сюжету, а не фабуле текста, ребенок переживает текст Диккенса как нечто, что имеет непосредственное отношение к его жизни – Книгу Книг, Откровение.

Центральный для сюжета мотив борьбы двух братьев, имеющий как биографический, так и мифопоэтический подтекст, оказывается связан с качественным преобразованием читателя, становящегося писателем.

В завершение статьи представлена гипотеза о специфическом метатекстовом характере рассмотренного фрагмента, что позволяет рассматривать его как автокомментарий к другим произведениям автора, в частности его повести «В дурном обществе».

Ключевые слова: автобиография, мемуары, читатель, русская литература XIX века, Короленко, Диккенс.

«Эти записки не биография, потому что я не особенно заботился о полноте биографических сведений; не исповедь, потому что я не верю ни в возможность, ни в полезность публичной исповеди; не портрет, потому что трудно рисовать собственный портрет с ручательством за сходство. Всякое отражение отличается от действительности уже тем, что оно отражение; отражение заведомо неполное –

Лахина Яна Витальевна – студент 4-го отделения филологического образования Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, ifmip@nspu.net)

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики ее преподавания Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

тем более. Оно всегда, если можно так выразиться, гуще отражает избранные мотивы, а потому часто, при всей правдивости, привлекательнее, интереснее и, пожалуй, чище действительности» [Короленко, 1955, с. 12]¹. Начиная с этих слов публикацию «Истории моего современника» в январской книге «Современных записок» за 1906 г., В. Г. Короленко тем самым демонстрировал свои рассуждения о специфике мемуарного жанра и его характерных признаках [Гуськов, 1995; Савельева, 2009].

«История моего современника», по определению писателя, отличается от трех наиболее распространенных типов биографического письма: *биографии и автобиографии, исповеди и портрета*. Итоговый текст реализуется в сложной синтетической жанровой модели, типологически наследующей «Былому и думам» А. И. Герцена. Именно этот текст, наряду с «Записками одного молодого человека», становится не только жанровой матрицей, но и матрицей переживания, благодаря чему биографическое повествование обнаруживает характерный сдвиг от воссоздания жизненного опыта к его пересозданию [Зорин, 2016; Силантьев, Созина, 2013; Петухова, 2013]. Более того, во многом учитывая модернистские практики, Короленко описывает свою жизнь и группирует события таким образом, что «История» становится развернутым комментарием к его собственным произведениям.

Учитывая этот аспект авторской рефлексии и метаописания, в настоящей статье мы сосредоточим свое внимание на сравнительно небольшом фрагменте произведения – литературном приложении «Мое первое знакомство с Диккенсом»². Развивая историю соперничества двух братьев – старшего «щеголя в лакированных сапогах», ставшего ровенским корреспондентом и журналистом, и младшего – только мечтающего о литературной славе (глава XXIX), «Знакомство...» провоцирует к восприятию текста Короленко по заранее заданной писателем траектории. С этой позиции особенно важно проследить, как в тексте от первого лица моделируется читательская реакция³.

Текст распадается на три части, три главки, маркирующие своеобразные «режимы» и способы чтения. Вначале речь идет о чтении в системе привилегий и запретов, утверждаемых отношениями двух братьев. В сложившейся иерархии младший брат не свободен и абсолютно подчинен старшему: он не выбирает книги самостоятельно, читает *урывками, буквально на ходу*, всякий раз понимая, что чтение может быть деспотически прервано из-за каприза его родственника. Маленький герой сообщает о *пестром, случайном, странном, авантюристском и очень пряном чтении* – оно не имеет системы и исчерпывается знакомством с фабульным уровнем текста⁴. Неслучайно в одном предложении представлено

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

² «Мое первое знакомство с Диккенсом» не было опубликовано вместе с основным текстом 1906 г. Дополняя и во многом корректируя фабулу XXIX главы «Истории моего современника», впервые очерк был опубликован в 1912 г. (Неделя современного слова. 1912. № 199, 30 янв.). В прижизненных собраниях сочинений писателя очерк включался в состав приложений к основному тексту.

³ Вслед за Р. Бартом мы понимаем читателя как «абстрактно-безответственную фигуру, свобода которой ограничена рамками читаемого текста» [Барт, 1989, с. 390]. Такой читатель имеет не социальную (в отличие от эмпирического читателя), а знаковую природу. Обзор современных и классических концепций см. в книге С. Н. Зенкина [2018], работе О. Н. Турышевой [2018].

⁴ Образ читателя-ребенка характерен для детской литературы. Особенно рельефно тип такого чтения представлен в хрестоматийном сюжете фантастической повести А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители»: «Итак, Алеша, будучи еще в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как

перечисление имен и книг: *Дюма, Евгений Сю, Купер, тайны разных дворов и, кажется, уже тогда знаменитый Рокамболь...*⁵ Для маленького читателя существует одна безымянная книга, без четкой композиции и структуры, в то время как мир литературы как системы имен и произведений оказывается для него полностью закрытым⁶.

В силу того, что чтение ребенка носит вторичный характер, время, место и скорость полностью определяются волей его старшего брата: «Я лишь тайком, в его отсутствие, брал книги и, весь настороже, глотал страницу за страницей» (с. 445); «Некогда было читать сплошь, приходилось знакомиться с завязкой и потом следить за нею в разбивку» (с. 445).

Конкуренция двух мальчиков отчетливо ориентирована на литературные модели, заставляя вспомнить отношения Стирфорта и Дэвида Копперфильда, Володи и Николеньки Иртеневых.

Порой мне приходилось расставаться с героем в самый критический момент, когда его насквозь пронзали шпагой, а между тем роман еще не был кончен и, значит, оставалось место для самых мучительных предположений. На мои робкие вопросы – ожил ли герой и что случилось с его возлюбленной в то время, когда он влачил жалкое существование со шпагой в груди, – брат отвечал с суровой важностью: – Не трогай моих книг! Тебе еще рано читать романы (с. 445).

Очевидно, что в этой ситуации деспотизм старшего брата выдает амбицию «соавторства»: механически влияя на читателя, он ограничивает его восприятие; вторгаясь в текст, определяет его границы для конкретного адресата.

Динамика чтения изменяется во второй главе. Первое впечатление ребенка-рассказчика о романе Диккенса «Домби и сын» предвзято и базируется на раннем читательском опыте. Воспитанный на книгах Купера, Сю, Дюма, он не находит для себя *приключений необычных, которые не случаются в жизни*.

они описаны были в романах. Любимое его занятие в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие веки... Особливо в вакантное время – как например об Рождестве или в Светлое Христово Воскресенье, – когда он бывал разлучен надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, – юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным дремучим лесам» [Погорельский, 1960, с. 206]. Уход подземных жителей в конце произведения маркирует не только нарушение запрета, но и переход из мира детских книжных фантазий в мир действительности. Этот сюжет о ребенке – Дон Кихоте многократно варьируется в детской литературе XIX в. [Хеллман, 2013].

⁵ В тексте XXIX главы опыт чтения описан по-другому: «Уже раньше, прочитав книгу, я сравнивал порой прочитанную книгу с впечатлениями самой жизни, и меня занимал вопрос: почему в книге всегда как будто “иначе”. У брата было тоже иначе. Когда первое преклонение перед печатной строкой прошло, я опять чувствовал это как недостаток, и мне стало интересно искать таких слов, которые бы всего ближе подходили к явлениям жизни. Все, что меня поражало, я старался перелить в слова, которые бы схватывали внутренний характер явления. <...> Это входило у меня в привычку. Когда же после Тургенева и других русских писателей я прочел Диккенса и “Историю одного города” Щедрина, – мне показалось, что юмористическая манера должна как раз охватить и внешние явления окружающей жизни, и их внутренний характер. Чиновников, учителей, Степана Яковлевича, Дидонуса я стал *переживать* то в диккенсовских, то в щедринских персонажах» (с. 208). Характерными являются использование глагола из дискурса Герцена «переживать» и попытка «подстановки» литературных матриц к действиям и поступкам реальных героев [Зорин, 2016].

⁶ Подобную модель предельно травестируемого литературного мира в дальнейшем использует Л. И. Добычин в романе «Город Эн». Знаменательно, что читатель книг «Гоголь» и «Чехов», как и герой Короленко, не определяет книги по их названиям.

Однажды я принес брату книгу, кажется, сброшюрованную из журнала ⁷, в которой, перелистывая дорогой, я не мог привычным взглядом разыскать обычную нить приключений. Характеристика какого-то высокого человека, сурового, неприятного. Купец. У него контора, в которой «привыкли торговать кожами, но никогда не вели дел с женскими сердцами»... Мимо! Что мне за дело до этого неинтересного человека! Потом какой-то дядя Смоль ведет странные разговоры с племянником в лавке морских принадлежностей. Вот, наконец... старуха похищает девочку, дочь купца. Но и тут все дело ограничивается тем, что нищенка снимает с нее платье и заменяет лохмотьями. Она приходит домой, ее поят тепленьким и укладывают в постель. *Жалкое и неинтересное приключение* ⁸, к которому и я отнесся очень пренебрежительно: такие приключения бывают на свете. Книга внушила мне решительное предубеждение, и я не пользовался случаями, когда брат оставлял ее (с. 446).

Первое впечатление складывается на основе практики наивного чтения – привычки воспринимать события в их фабульной, а не сюжетной обусловленности. Знаменательно, что в этой части текста чтение маркируется словами и словосочетаниями «бег по страницам», «пробежался взглядом», «бродил ощупью по книге».

Читая один и тот же роман, братья конкурируют между собой. Наряду с иерархией, определяемой возрастом, формируется альтернативная система, в которой первенство определяется психологической чуткостью (как в «Отрочестве» Л. Н. Толстого). Как следует из текста, старший брат предельно далек от «идеального читателя». Его реакции маркируют два предела, две профанированные модели восприятия, своего рода *κόμος* и *τρίγυρος*: «Брат ночью дочитывал роман, и я слышал опять, как он то хохотал, то в порыве гнева ударял по столу кулаком...» (с. 449). Рассказчик оказывается в этом понимании более чутким читателем, глубоко переживающим истории героев.

Листая книгу в поисках диккенсовского юмора (вслед за братом), читатель романа находит сцену, которая изменяет его восприятие мира:

Я не знаю, как это случилось, но только с первых строк этой картины – вся она встала передо мной, как живая, бросаая яркий свет на все, прочитанное урывками до тех пор.

Я вдруг живо почувствовал и смерть незнакомого мальчика, и эту ночь, и эту тоску одиночества и мрака, и уединение в этом месте, обвеянном грустью недавней смерти... И тоскливое падение дождевых капель, и стон, и завывание ветра, и болезненную дрожь чахоточных деревьев... И страшную тоску одиночества бедной девочки и сурового отца. И ее любовь к этому сухому, жесткому человеку, и его страшное равнодушие... (с. 447).

Буквально с этого эпизода читатель начинает сочувствовать героям, проживая их жизнь вместе с ними. Чтение маркирует опыт эмоционального переживания, в котором наибольший драматизм приобретает сознание неотвратимости и фатальности всего происходящего:

Я стоял с книгой в руках, ошеломленный и потрясенный и этим замирающим криком девушки, и вспышкой гнева и отчаяния самого автора... Зачем же, зачем он написал это?.. (с. 447).

Пережив своеобразный эмоциональный катарсис, маленький читатель рефлексует свой опыт чтения. Используя уже привычный для описания стиля чтения

⁷ Анонимность читаемой книги объясняется спецификой бытования переводного романа в местной библиотеке: будучи сброшюрованным из журнальных книг, он, действительно, мог не содержать информации об авторе.

⁸ Здесь и далее в цитируемом тексте курсив наш. – Я. Л., А. К.

глагол *глотал*, Короленко сообщает ему принципиально иные коннотации. Чтение становится эквивалентом потребности, связанной с голодом и жаждой: «Чувствуя, что скоро вернется брат, я *нервно глотал* страницу за страницей, знакомясь ближе с друзьями и врагами Флоренсы...» (с. 449); «Как зачарованный, я *глотал* сцену за сценой, без надежды дочитать сплошь до конца и не в силах оторваться» (с. 449). Вместо синкретического пестрого мира анонимных книг и писателей, роман пока еще не названного Диккенса становится для рассказчика Книгой книг.

Этот мотив получает кульминационное развитие в заключительной главе текста, где тайное чтение становится явным для всех жителей города и оказывается предметом осмеяния. Следует заметить, что ребенок находит свое место на границе «бытового» и «сакрального» пространств:

Вероятно, еще и теперь, недалеко от Киевской улицы в Житомире стоит церковь св. Пантелеймона (кажется, так). В то время между каким-то выступом этой церкви и соседним домом было углубление вроде ниши. Увидя этот затишный уголок, я зашел туда, прислонился к стене и... время побежало над моей головой... Я не замечал уже ни уличного грохота, ни тихого полета минут. Как зачарованный, я глотал сцену за сценой без надежды дочитать сплошь до конца и не в силах оторваться. В церкви ударили к вечерне. Прохожие порой останавливались и с удивлением смотрели на меня в моем убежище... Их фигуры досадливыми неопределенными пятнами рисовались в поле моего зрения, напоминая об улице. Молодые евреи – народ живой, юркий и насмешливый – кидали иронические замечания и о чем-то назойливо спрашивали. Одни проходили, другие останавливались... Кучка росла. <...>

Но тут мое очарование было неожиданно прервано: брат, успевший сходить в библиотеку и возвращавшийся оттуда в недоумении, не найдя меня, обратил внимание на кучку еврейской молодежи, столпившейся около моего убежища. Еще не зная предмета их любопытства, он протолкался сквозь них и... Брат был вспыльчив и считал нарушенными свои привилегии. Поэтому он быстро вошел в мой уют и схватил книгу. Инстинктивно я старался удержать ее, не выпуская из рук и не отрывая глаз... Зрители шумно ликовали, оглашая улицу хохотом и криками... (с. 452–453).

Эта ситуация «карнавального» смеха, на наш взгляд, актуализирует и мифопоэтический субстрат рассматриваемого сюжета. Биографические Владимир и Илларион проецируются на ветхозаветных братьев Иакова и Исава (их борьба сопровождается ликованием евреев-зрителей). Однако вместо права первородства, два брата состязаются за право читателя. Формально это первенство остается за старшим братом: для него романы Диккенса не являются откровением и представляют собой некоторую схему: «У Диккенса всегда кончается торжеством добродетели и примирением» (с. 453). Более того, младший брат снова не дочитывает текст до конца, а его эмоциональное переживание остается непонятым и чуждым. Однако восприятие происходящего меняется, поскольку теперь он узнает имя автора: «Диккенс... Детство неблагоприятно: я не смотрел фамилию авторов книг, которые доставляли мне удовольствие, но эта фамилия, такая серебристо-звонкая и приятная, сразу запала мне в память...» (с. 454).

Здесь заслуживает внимания то, как осуществляется передвижение читателя в эмпирической действительности и в тексте. Как мы помним, в первой части речь шла о хаотичном и беспорядочном чтении разных романов, движение по тексту было быстрым и объяснялось тем, что чтение было тайным. Во второй части, где читатель знакомится с романом Диккенса, скорость и стиль чтения хотя и сохраняют свою динамику, но приобретают характер психологического переживания и откровения. В третьей же части чтение начинает конкурировать с физическим

временем, благодаря чему за несколько астрономических часов маленький читатель проживает несколько лет жизни литературных героев.

В заключение остановимся на событийности анализируемого текста [Событие и событийность, 2010]. Очевидно, что ключевым событием становится чтение – из повседневного рутинного занятия, в котором важными являются не книги, не сюжеты, а фабулы приключенческих романов, оно приобретает высший аксиологический смысл. Пряча книгу от старшего брата, маленький герой одновременно соперничает с ним на уровне восприятия текста: двум четким эмоциональным режимам противопоставлено несводимое к схеме чтение-проживание. Наконец, чтение обретает бытийный смысл, становится откровением, в котором равно значимым становится сюжет и переживание текста. В конце произведения этот высокий образ предельно травестируется: в мире житомирской провинции явление Читателя выглядит не только постыдным, но и смешным. В то же время логика чтения, вживания в текст и проживания за своих героев во многом соответствует логике письма – фактически «История моего знакомства...» рассказывает о том, как Читатель становится Писателем.

Последний тезис провоцирует к некоторым параллелям. Во-первых, описывая чтение, Короленко синхронизирует его с письмом; так, моделируемая ситуация чтения текста проецируется на его создание. Во-вторых, рассмотренный фрагмент задает определенные параметры восприятия текстов самого Короленко. Безусловно, описывая опыт чтения романов Диккенса, писатель тем самым выстраивает траекторию чтения одного из самых своих хрестоматийных текстов – «В дурном обществе» [Иткин, 2020]. Совпадение коллизий: соперничество отца и сына и конкуренция двух братьев-читателей, смерть ребенка и переживаемая как откровение деспотическая воля автора, – все это провоцирует уже не моделируемого, а реального читателя к восприятию текстов Короленко в призме романов Диккенса [Блум 1998, Ман 1999]. Наконец, конкуренция нескольких режимов чтения с неочевидной победой младшего брата, кроме мифопоэтических связей, отмеченных в тексте статьи, и постепенного превращения «маленького оборвыша» Оливера Твиста в писателя Дэвида Копперфильда, демонстрирует одну из очевидных стратегий интерпретации «Истории моего современника».

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Блум Х.* Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 1998.
- Гуськов С. Н.* В. Г. Короленко и Л. Н. Толстой: проблема этической позиции писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
- Зенкин С. Н.* Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Зорин А. Л.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Иткин М.* «Мое первое знакомство с...»: «В дурном обществе» В. Г. Короленко как канонический текст // Русская филология. Тарту, 2020. С. 98–116.
- Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 5.
- Ман П. де.* Аллегория чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
- Петухова Е. А., Козлов А. Е. Повесть А. И. Герцена «Легенда»: сюжет, повествование, интертекст // Вестник НГПУ. 2013. № 3 (13). С. 117–127.
- Погорельский А.* Двойник. Монастырка. Повести. М.: ГИХЛ, 1960.

Лахина Я. В., Козлов А. Е. Короленко в роли читателя Диккенса

Савельева Е. С. «История моего современника» В. Г. Короленко: художественное своеобразие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009.

Силантьев И. В., Созина Е. К. Нарратив в литературе и истории. На материале дневниковой прозы А. Герцена 1840-х гг. // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 58–68.

Событие и событийность. Петербургский сборник. М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010.

Турьшиева О. Н. Эволюция сюжетно-мотивного комплекса в художественном нарративе о читателе // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 151–161.

Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Ya. V. Lakhina, A. E. Kozlov

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation*

**Vladimir Korolenko as Dickens Reader:
Fiction and Metafiction**

The article is devoted to interpretation a figure of explicit reader in Vladimir Korolenko's "Story of my Contemporary" (chapter "My first Acquaintance with Dickens"). Short story moderated the trajectory of reading at distinguishing between narrative and perception modes. Representing the world of the Zhytomyr province, the writer shows reading as a specific activity that is part of the daily routine for inhabitants. The story of reading a little hero – from the "colorful" and "spicy" reading adventurous and detective novels to meaningful reading of Dickens' book – demonstrates specific changes in the psychology of the little hero (from *Oliver Twist* to *David Copperfield*).

A specific feature of this text is the reflection of the young reader on everything what is happening in the book in particular and on the nature of one's own reading in general. At the beginning of the story, the main feature of the reading of the hero is noted, his abruptness, episodic, covering only the surface of the plot.

Central motive of the struggle of two brothers, having as a biographical and mythopoetic sense. That is closely connected with a qualitative transformation Reader becoming a Writer. In addition, the older brother was an authority for the youngest, including in reading, therefore, in addition to the "episodicity" of reading, it was also secondary and in his perception of certain works the young the reader relied on the experience of his older brother, who does not mark the image of the ideal the reader, dividing everything into so-called *κόμος* and *τράγος*. Despite the fact that the main character is experiencing the text of Dickens as Revelation, experience reading his novel practically did not differ from previous reading experience. So the novel was without a name, also remained an unread hero and was not even understood by him until the end. And it is the figure of the elder brother-authority that changes the main trajectory "Anonymity" of children's reading, the first time calling the last name of the writer Dickens.

In conclusion hypothesis about the specific metatext character of the fragment under consideration is presented. That allows to consider it as an auto-commentary on other works of the author, in particular, his story "In a Bad Society".

Keywords: reflection and narration, autobiography, memoirs, Russian literature, Dickens, Korolenko.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-33-40

References

Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow, Progress, 1989. (in Russ.)

Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. Ekaterinburg, 1998. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Guskov S. N. V. G. Korolenko i L. N. Tolstoy: problema eticheskoy pozitsii pisatelya [Korolenko and Tolstoy: The Problem of Positions]. St. Petersburg, 1995. (in Russ.)

Zenkin S. N. Theory of Literature. Problems and Results. Moscow, 2018. (in Russ.)

Zorin A. Poyavlenie geroya. Iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka [Formation of The Hero. From the Emotional Culture of 18th – beginning of 19th century]. Moscow, 2016. (in Russ.)

Itkin M. «Moe pervoe znakomstvo s...»: «V Durnom Obshchestve» V. G. Korolenko Kak Kanonicheskiy Tekst [My First Meeting With...: Korolenko's "In Bad Company" as canonical text]. In: Russkaya filologiya. Tartu, 2020, p. 98–116. (in Russ.)

Korolenko V. G. Collected Works. In 10 vols. Moscow, 1955, vol. 7. (in Russ.)

Man P. Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust. Ekaterinburg, 1999. (in Russ.)

Petukhova E. A., Kozlov A. E. Povest' A. I. Gertsena «Legenda»: syuzhet, povestvovanie, intertekst [A. I. Herzen's Story "Legend": Story, Narrative, Intertext]. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*, 2013, no. 3 (13), p. 117–127. (in Russ.)

Pogorelskiy A. Dvoynik. Monastyrka. Povesti [The Double. Stories]. Moscow, 1960. (in Russ.)

Silantev I. V., Sozina E. K. Narrativ v literature i istorii. Na materiale dnevnikovoy prozy A. Gertsena 1840-kh gg. [A narrative in literature and history. Based on the material diary prose by the A. Herzen of the 1840]. *Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 3, p. 58–68. (in Russ.)

Savelieva E. S. «Istoriya moego sovremennika» V. G. Korolenko: khudozhestvennoe svoe-obrazie [“Story of my Contemporary”: artistic identity]. Rostov on Don, 2009. (in Russ.)

Sobytie i sobytynost'. Peterburgskiy sbornik [Event and eventuality. Petersburg collection]. Moscow, Kulagina-Intrada, 2010. (in Russ.)

Turyшева O. N. Evolyutsiya syuzhetno-motivnogo kompleksa v khudozhestvennom narrative o chitatele [The evolution of the Plot-Motive Complex in the Artistic Narrative of the Reader]. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, p. 151–161. (in Russ.)

Hellman B. Skazka i byl'. Istoriya russkoy detskoy literatury [Tales and Reality. Story of childhood literature]. Moscow, 2013. (in Russ.)

Yana V. Lakhina – Student of the Philology Education Profile, Institute of Philology, Mass Media and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, ifmip@nspsu.net)

Alexey E. Kozlov – Senior Lecturer of Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, alexey-kozlov@rambler.ru)